

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Народные бунты в Московском государстве XVII века как проявление массового сознания: социально-философский анализ

Никольская Анастасия Всеволодовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33с1,
e-mail: tonokazutoya@gmail.com

Черепанова Елена Викторовна

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: Elcher17@mail.ru

Аннотация

В статье описаны многочисленные народные бунты, происходившие в России в 17 веке. Бунты рассматриваются как поведенческие проявления массового сознания. Описаны факторы, влиявшие на массовые настроения, такие как идеология, политико-экономическая ситуация, православная религия, взаимодействие власти с народом. На основе имеющихся исторических источников сделана попытка реконструкции эмоциональной, когнитивной, ценностно-потребностной сфер массового сознания. Весь 17 век остался в массовом сознании веком противоречий. Во времена Смуты возникли сомнения в законности московского царя, цари менялись, нарушая основополагающий идеологический принцип государства – сакральность монарха. Было непонятно, какой из царей настоящий. Смутное время было периодом глубоких потрясений для России, когда страна столкнулась с политическим и социальным кризисом после смерти Ивана Грозного. Нарушение принципа сакральности монарха вызывало сомнения и неуверенность в правильности царской власти. Это создавало атмосферу нестабильности и неопределенности, что способствовало возникновению бунтов и выражению недовольства населения. Изучение эмоциональной, когнитивной и ценностно-потребностной сфер массового сознания того времени позволяет лучше понять динамику общественного мнения и механизмы формирования коллективных действий. Реконструкция этих аспектов помогает нам сегодня лучше осознать исторические процессы и уроки, которые можно извлечь из прошлого для современности.

Для цитирования в научных исследованиях

Никольская А.В., Черепанова Е.В. Народные бунты в Московском государстве XVII века как проявление массового сознания: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 150-160. DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Ключевые слова

Массовое сознание, правовое сознание, патриотическое сознание, религиозное сознание, массовые представления, социальные процессы.

Введение

Проблема проявлений массового сознания актуальна в любом историческом периоде. В первую очередь, в силу свойств массового сознания, а именно: его нацеленности на проблемы, затрагивающие большинство; внушаемости и быстрому распространению информации; интенсивности и быстрой смене настроений; иррациональности. Во-вторых, массовое сознание регулирует социальные отношения, оценивает социальные явления, формирует запрос к власти на организацию социальных процессов в соответствии с массовыми представлениями [Исаев, 2019]. В этом смысле представление о массовых настроениях может способствовать пониманию общественных процессов, происходящих в стране. С другой стороны, массовое сознание инерционно и достаточно стабильно, но стабильность массового сознания не является величиной постоянной и зависит от кризисов в жизни страны, наличия или отсутствия раскола в обществе, культурно-образовательного уровня населения, сопоставимости ценностей элиты и масс. С этой точки зрения представляется актуальным выявить константы и зависимые переменные массового сознания населения России за несколько веков. Такой анализ мог бы способствовать дополнительной идентификации предикторов массового поведения.

Далее в работе мы будем опираться на дифференциационно-интеграционную теорию развития, согласно которой всякое развитие начинается с исходных глобально-целостных состояний и форм и идет к состояниям и формам все более дифференцированным и иерархически упорядоченным, что преобразовывает начальную целостность во все более сложно организованную. Параллельно идут процессы интеграции, которые обеспечивают удержание начальной целостности и формируют эту целостность в составе новых, более высоких иерархических уровней [Чуприкова, 2011]. Другим методологическим принципом, используемым в работе, является модель функциональной системы психики, согласно которой в психике, прежде всего, должна быть отражена объективная предметная действительность (когнитивная сфера), нужды и степень их удовлетворения (потребностная сфера, которую применительно к нашему исследованию мы будем рассматривать как ценностно-потребностную), значение внешних процессов, внутренних состояний, последствий поведения (эмоциональная сфера), обмен результатами отражения действительности (коммуникативная сфера). Результаты взаимодействия этих сфер выражаются в конкретных актах поведения [Чуприкова, 2009].

Наконец, третий методологический принцип, на который опирается работа, это социальный конструкционизм, согласно которому люди формируют свою социальную реальность в процессе взаимодействия, создавая ценности и традиции [Бергер, Лукман, 1995].

Основная часть

Результатом Смутного времени стала экономическая разруха. Во многих уездах размер пахотных земель сократился в 20 раз, а численность крестьян – в 4 раза [Милов, 2007].

В годы правления Михаила Федоровича (1613-1645) в стране на полтора десятилетия устанавливается двоевластие: Филарет и Михаил Романов. Соединение светской и духовной

власти укрепляло статус слабого царя еще и потому, что в годы Смуты авторитет православной церкви поднялся до небывалых вершин. Стабилизация власти способствовала усилению государства.

При этом сохранялись названия властных институтов и должностей, обычаи, региональное деление. То есть, сохранялась видимость сходства со временем до Смуты. «Верность старине» была возведена в ранг высшей добродетели. Русским людям XVII века хотелось, чтобы все снова стало как прежде, до Смуты. Новшества Лжедмитрия I породили недоверие ко всему новому; опыт иностранной интервенции усилил подозрительность ко всему чужеземному. Важную роль играла православная церковь, сыгравшая огромную роль в деле освобождения от интервенции. Платой за это стало активное вмешательство высшего духовенства в земные дела.

Цепляние за «старину», подозрительное отношение к новациям, конечно, не могли привести к эффективному развитию. Но изменения происходили.

Фигура царя перестала быть единственной опорой государственной системы. Об этом напрямую говорится в псковском «Сказании о бедах и скорбех и напастях»: что Михаила «к роте приведоша» (привели к присяге), а потом «царя нивчтожевменища и не боящся его» [Туфанова, 2018].

Ограничение власти монарха сопровождалось восстановлением позиций Боярской думы. Дума фактически стала центральным правительством. Так, в 1642 году на Земском соборе решалось брать ли в подданство Азов, и если брать, то как удерживать [Рождественский, 1905]. Ответы различались в зависимости от сословий. Духовенство обещало помочь молитвой, но отказалось дать какой-либо конкретный ответ. Дворяне отвечали, что и уступить нельзя, но и сражаться из-за бедности нечем. Купцы жаловались на плохую торговлю, но обещали жертвовать ради христианского дела. Посадские принялись перечислять притеснения, которым они подвергаются. Воевать готовы были стрельцы. В целом собор декларировал преданность монарху и надежду на царскую мудрость, общество не было готово принимать участие в управлении. Требовалась централизация.

Таким образом, к факторам, влияющим на массовое сознание в период с 1613 по 1645 годы, можно отнести: изоляционизм, а следовательно, и вытекающую из него ксенофобию, деспотизм, автаркию, крайне низкую открытость опыту.

Для восстановления авторитета высшей власти понадобились долгие годы и усилия. Одной из таких мер стал знаменитый указ о «слове и деле государевом» – доносе на зазорные речи в адрес царя. Всякий, кто посмел хулить самодержца, хоть бы даже спьяну, подвергался жестокому наказанию [Черникова, 2021]. Почтение к династии прививали через страх.

В годы правления Алексея Михайловича (1645-1676) существенным событием, затронувшим массы, стал церковный раскол на «никонианство» и «старообрядчество», начавшийся в 1650-х годах.

Протест принял как социальную, так и идейную формы. Образованное сословие и духовенство сопротивлялись самой идее обновления. Что же касается протеста простого народа, то, поскольку церковных книг крестьяне и посадские не читали, то все, что они вынесли из церковных изменений – это запрет креститься двумя пальцами, как делалось веками. Это было непонятно и воспринято, как наступление конца времен [Петрушко, 2020].

И. Бессонов [Бессонов, 2014] пишет, что эсхатология была одной из важнейших составляющих массового сознания русского народа, начиная именно с XVII в., когда природные и социальные катастрофы начинают восприниматься как приближение конца света. Вероятно, поэтому социальный протест против расколичества оказался самым жизнестойким, не

поддающимся искоренению и приведшим к созданию старообрядческой церкви. Как мы помним, населению долгое время внушалось, что русское православие – единственный оплот христианской истины после падения Византии, а потому и русская церковная обрядность была священна.

А поскольку Смута в массовом сознании воспринималась как наказание Господне, то верность старине возводилась в постулат. И когда сама церковь начала обновление, оно было воспринято как приход Антихриста [Визавитин, 2016].

Тем не менее, возникает вопрос, почему не вся народная масса подалась в раскольников. В процентном отношении раскольников было незначительное количество. Возможно, поэтому, что в 1656 году была провозглашена анафема на раскольников, они были отлучены от официальной церкви и прокляты [Бессонов, 2014]. Кроме того, церковная реформа имела сильную государственную поддержку.

Поскольку экономическое состояние страны определялось внешней политикой – несколькими войнами, дефицит бюджета компенсировался поборами с населения. Помимо денежных налогов, были введены дополнительные налоги продовольствием для снабжения войск. Кроме того, у крестьян забирали лошадей и подводы, сгоняли на дорожные работы [Рождественский, 1905].

Власть понимала экономическую несостоятельность страны, особенно в сравнении с западными странами после неудачного исхода войн с Польшей и Швецией, и вынуждена была размышлять о ее причинах. Возникла необходимость заимствований у запада знаний и технологий.

Конечно, экономическая несостоятельность общества и его невежество были в первую очередь осознаны элитой, которая имела возможность видеть, как устроен западный мир, и понимала, что, добившись политической независимости, Россия не сможет избежать заимствований. Относительно собственно науки было принято решение приглашать западнорусских и греческих православных монахов, но иноверцы появлялись в России в виде наемных офицеров, заводчиков, врачей и мастеровых. Элита знакомилась с новыми удовольствиями и удобствами – музыкальные инструменты, удобные кареты, часы, театральные постановки [Забелин, 2014]. Западные устремления элиты были обусловлены борьбой за статус и потребностью увеличения комфорта. О приобщении к западной мысли, ее философии и идеологии, речи не шло. При этом власть была против контактов населения с иностранцами, боясь заражения безбожными обычаями. Любые разговоры с иностранцами навлекали подозрения в измене вере, обычаям, а следовательно, и политической измене. Вплоть до 1703 года все внутренние новости с внешние события считались государственной тайной [Пайпс, 2012].

На поведенческом уровне это вылилось в бунты: соляной бунт 1648 года в Москве, «хлебные бунты» в Новгороде и Пскове, медный бунт 1662 года, восстание Степана Разина. После Смуты Государство не могло не озаботиться задачей централизации власти, проводя налоговую и судебную реформы, и еще сильнее закрепощая крестьян. Вмешательство государства во все сферы жизни вызывало недовольство и антиправительственную активность.

В 1646 году тогдашним главой правительства, боярином Морозовым, была введена единая пошлина на соль, что привело к ее удорожанию в 4 раза [Олеарий, 2019]. Царю подали челобитную против влиятельных чиновников, являвшихся бенефициарами нововведения, а также с требованием созыва земского собора и утверждения новых законодательных актов. Когда требования не были удовлетворены, восставшие перешли к действиям и начали грабить

боярские дворы. Бунтовщики требовали освободить от государственных постов и выдать им главных правительственных чиновников: «и покамест его, великого государя, о том указ к нам не будет, и мы из города из кремля вон не пойдем; и будет междуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людьми у нас, у всяких людей и у всей черни и у всего народу!» [Исаев, 2019, 175].

Царь отсрочил взимание недоимок, что успокоило восставших. Другим итогом Соляного бунта стало решение о созыве Земского собора и составлении нового кодекса законов. Но слухи о возможных новых беспорядках и волнениях ходили в столице до 1650 года [Тихомиров, 1969].

В 1648-1650 годах восстания произошли в Воронеже, Курске, Козлове, Челнавском остроге, Сокольске, в Томске, в Устюге и Сольвычегодске, в Пскове и Новгороде. Д. Ляпин считает эти мятежи, во-первых, связанными с соляным бунтом, а во-вторых, с «попытками отстраниться от власти воеводы под предлогом его предательства, измены или некомпетентности» [Ляпин, 2014, 57].

В 1650 году в Пскове и Новгороде бунт возник из-за хлеба. Расплачиваясь со шведами по прежним обязательствам, правительство пообещало отправить за границу 11 000 четвертей ржи. На время закупки необходимого количества зерна всякая частная хлеботорговля в регионе воспрещалась, но это запрещение можно было обойти за взятку. Восставшие (мелкие торговцы, ремесленники, стрельцы и городская беднота), громили дворы зажиточных торговцев, духовенства и знати. Через месяц они захватили власть, создав свои органы управления – мирской сход и Земскую избу. Восставшие подали бумагу с требованиями царю. Требования содержали реформы городского самоуправления, а также жалобы на произвол чиновников.

Реакцией власти было подавление восстания силами отправленного в Псков карательного отряда.

В Новгороде городская беднота, ремесленники и часть стрельцов отстранили от власти воеводу и разгромили дворы зажиточных горожан. Восставшие избрали земских старост и избili новгородского митрополита Никона за то, что проклял новых правителей города. Восстание также было подавлено [Рождественский, 1905].

Столь выраженные социальные протесты стали возможны именно после Смуты. Пошатнувшаяся сакральность власти привела к тому, что, если в прежние времена люди ворчали и мирились с любым произволом, то теперь они бунтовали.

В 1662 году возник медный бунт. Чрезмерный выпуск медных денег привел к их обесцениванию. Все товары резко подорожали. Все это привело к появлению фальшивомонетчиков, подделывавших медные деньги, у которых были покровители из числа бояр, в том числе тесть царя, Илья Милославский. Безнаказанность элит возмущала население. Люди требовали выдать им бояр, угрожая, что если царь не отдаст бояр добром, то они сами начнут расправу. После отказа разойтись была применена сила. Многие погибли, многие были казнены, претерпев перед этим пытки, многие были сосланы [Котошихин, 2000].

Итогом бунта стала отмена медной монеты. В 1663 году возобновилась чеканка серебряных монет. Ущерб от провалившейся монетной реформы был огромным. Цены опять взлетели и беднота, в первую очередь городская, оказалась на грани голодной смерти.

Здесь обращает на себя внимание горизонтальная (объединение с целью отстоять свои права) и вертикальная (власть-народ) коммуникация. Реакция власти на бунты была неоднозначной: с одной стороны, ссылка Морозова, отмена взыскания недоимок, отмена медной монеты, с другой стороны – жестокое подавление бунтов.

А в 1667-1671 гг возникла крестьянская война (восстание Разина). Отечественные историки

называют разные причины восстания: указ о бессрочном сыске беглых крестьян, чрезмерное закрепощение. Затяжные войны за западнорусские земли привели к ослаблению экономики, что привело к увеличению государственных налогов. На этом фоне началась эпидемия моровой язвы и массовый голод. Многие крестьяне бежали на Дон и становились там казаками, представляя собой беднейшую прослойку. Именно среди таких казаков всегда находили горячий отклик призывы к «воровским» походам [Перри, 2009]. Возможно, сыграла свою роль и двойственная позиция власти.

Изначально восстание не предполагало антиправительственных целей, а представляло собой классическую разбойничью эпопею. Разин посещал Царицын и Астрахань, сорил там деньгами, после чего беднота стала примыкать к его войску. В 1670 году войско Разина захватило Царицын, а Астрахань горожане сдали сами. Воеводу и дворян казнили, после чего восставшие организовали в Астрахани свое правительство. В Камышине казнили стрельцов, дворян, воеводу. Так Разин сделал своим врагом правительство, и разбой превратился в войну с государством.

Пока войско Разина стояло в Астрахани, у бунтовщиков возник конфликт с митрополитом, который призывал их покориться приближающейся армии царя и упрекал их в бунте против царя. Митрополита пытали и казнили. Этот эпизод в рамках нашего рассмотрения интересен тем, что, несмотря на наличие веры и православные ценности, носители этих ценностей (священники) не обладали в глазах народа неприкосновенностью. Авторитет духовенства был сильно подорван Никоновскими реформами и последовавшим расколом. Уровень образования священников был низок, и отношение населения к ним не отличалось уважением [Рождественский, 1905].

После взятия Астрахани на сторону Разина перешли Саратов и Самара, а также такие народности как чуваша, марийцы, татары, мордва. Были захвачены часть Симбирска, Алатырь, Саранск, Пенза, Козьмодемьянск. Повсюду вспыхивали массовые крестьянские восстания [Долматов, 2021]. Этому способствовало то, что Разин объявлял каждого примкнувшего свободным. Далее Разин заявил, что с ним патриарх Никон (про которого в народе ходили слухи, что он чем-то не угодил боярам, а значит, пострадал за правду) и царевич Алексей, что увеличило приток бойцов в его ряды. Разин призывал всех, кто хочет бить бояр за творимое ими беззаконие, а также посадить на трон истинного наследника.

Несмотря на разгром восстания в 1670 году, народные волнения продолжались до конца 1671 года.

На этот раз реакция власти противоречивой не была. Правительство ответило на восстания массовыми казнями, поражающими воображение [Сообщение касательно подробностей мятежа..., 1968].

По сути, восставшие преследовали своей целью отмену крепостного права и уничтожение дворянства. Своей цели они не достигли, поскольку в обществе не было ни представления о том, каково может быть общественное устройство, ни силы/сословия, которое могло бы не только предъявить такое представление обществу, но и возглавить протест.

В когнитивной сфере массового сознания присутствовал добрый, но слабый царь, которого нужно освободить от власти плохих, злых чиновников и бояр. Соловьев описывает русскую народную песню времен царствования Алексея Михайловича о борьбе с Польшей за русские земли [Рождественский, 1905]: царь объявляет боярам, купцам и солдатам, что король просит Смоленск, а взамен дает Химскую землю. Далее царь спрашивает, следует ли соглашаться на обмен. Князь астраханский от лица бояр и князь бухарский от лица купцов рекомендуют

соглашаться. От лица солдат отвечает Милославский и говорит, что нужно отстоять Смоленск. Царь делает Милославского смоленским воеводой, а астраханского и бухарского князя казнит. В пересказе этой песни особенно интересно то, что: 1) правительство допускает свободу мнений, но народ в своем творчестве руками царя казнит людей, чьи мнения не нравятся (толерантность не была присуща русскому народу), 2) для людей важно не отдать Смоленск. Возможно, в этой песне проявляются первые зачатки собственно патриотического сознания.

Любой, кто негоден боярам (в данном случае – якобы примкнувший к разинцам патриарх Никон) пострадал несправедливо. Здесь интересно отметить, что в массовом сознании достижения тождественны страданиям, что вполне укладывается в православную идеологию. Успехи восставших также на слуху.

Эмоциональная сфера наполнена гневом, чувством неправильности происходящего, азартом победы. В ценностно-потребностной сфере появляются потребность в свободе от произвола помещиков и чиновников, но свобода понимается как воля, отсутствие обязательств. Коммуникативная сфера заполнена слухами о восстании и лозунгами восставших.

Итак, можно говорить о том, что в массовом сознании присутствовало ощущение неправильности происходящего, поборы, тяготы службы. В эмоциональной сфере – недовольство, страх (грабежа, насилия, наказания, порчи, божьего гнева), в потребностно-мотивационной сфере – ценности выживания, духовные ценности смирения, поклонения, покорности, но не ценности сохранения личного достоинства и личной чести. Честь относилась к ценностям материальным или статусным, но не духовным [Коллман, 2023]. На поведенческом уровне в среде бояр и дворян это проявлялось в борьбе за сохранение статуса, т.е. честь была ценностью социальной, но не личностной. Возможно, виной тому подавление личности государством [Черная, 1991]. Отсутствие понятия личной чести у элиты не способствовало его появлению у простых людей, особенно учитывая выраженное присутствие в массовом сознании православных ценностей покорности, смирения и поклонения. Дворяне 17 века идею исключительности и богоизбранности России разделяли, поэтому демонстрировали монархический патриотизм, понимаемый как отождествление богоизбранного монарха и отечества. Преданность царю выражалась в службе, которая позволяла получить верховное покровительство. Типичным проявлением преданности был обычай «бить царю челом до земли». При такой зависимости от царя, дворяне надеялись на его защиту и покровительство [Милешина, 2010]. Но времена Смуты с частой сменой царей и прекращением династии десакрализовали облик царя, на время оставив дворянство без монархического патриотизма, но с ценностями веры и статуса.

Ценность личности не была сформирована в 17 веке ни в среде элиты, ни, тем более, среди населения, не существовало и понятия «справедливость». В системе тогдашнего мировоззрения россиян справедливым было то, что установлено Богом, поэтому вплоть до 18 века слово «справедливость» не являлось на Руси широкоупотребимым [Печерская, 2011].

Обобщая сказанное, можно сказать, что, учитывая глубокую религиозность людей, в своей картине мира люди не имели ни нравственной свободы, ни самостоятельности, являясь безвольными инструментами в руках Божьих. По сути, такое представление себя в мире снимает ответственность за свою судьбу, позволяя перекладывать ее на высшие силы. Поскольку Богу виднее, то нет направленности ни на поиск знания, ни на поиск истины, необходимо лишь понять знаки, подаваемые Господом, и следовать его указаниям. В рамках таких представлений о мире не нужна логика и рациональность, опыт носит эмоциональный характер. Мышление является первобытным. Все представления о мире обусловлены мистическими причинами и

коллективными/сословными/общинными, родовыми представлениями. Регламент жизни регулируется церковью (посты, праздники, секс и пр), церковь же призывает к покаянию и объясняет тщетность всего земного [Маштафаров, 2009]. Поскольку земная жизнь тщетна, то бессмысленно стремиться к чему-то большему. Труд при таких установках становится просто способом выживания, но не реализации. Несправедливость не воспринимается как таковая, скорее, притеснения со стороны властей понимаются как неправильные, не от Бога. Неслучайно, царь хороший (от Бога), а бояре плохие. Многочисленные народные восстания 17 века проходили либо под знаменем «истинного» царя, либо против самовластия бояр, когда условия жизни населения становились невыносимыми.

Заключение

Таким образом, весь 17 век остался в массовом сознании веком противоречий. Во времена Смуты возникли сомнения в законности московского царя, цари менялись, нарушая основополагающий идеологический принцип государства – сакральность монарха. Было непонятно, какой из царей настоящий. Оставалась опора на веру. Но, стоило восстановиться династии законных царей, возникло сопротивление церковному правительству и раскол. Следствия раскола не ограничились появлением движения раскольников. Население в массе своей стало задумываться о том, на чьей стороне правда, что привело не просто к недумению, но и к некоторой холодности к церкви как к социальному институту. Отсюда отсутствие уважения к духовенству. Результатом раскола и понимания элитами экономического отставания от запада стала необходимость заимствований и образования в стране, где ксенофобия, недоверие и презрение к иноверцам были одной из составляющих массового сознания. Многочисленные бунты против произвола властей не имели идеологической составляющей в стране, не имеющей представления о личном достоинстве, и были обречены на поражение.

Библиография

1. Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1. С. 636.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
3. Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
4. Визавитин О.И. Раскол русской православной церкви в XVII веке // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 634-636.
5. Долматов А.А. «Побито де их на приступах под Синбирском тысячи три...» Синбирский кремль против войска атамана Разина // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 94-101.
6. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Архивная копия от 31 марта 2020 на Wayback Machine. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 315.
7. Исаев Б.А. Социология в схемах и комментариях. М.: Юрайт, 2019. 124 с.
8. Коллман Н. Россия и ее империя: 1450-1801. М.: Academic Studies Press, 2023. 783 с.
9. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9-146.
10. Ляпин Д.А. Народные волнения в России в 1648-1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 54-58.
11. Маштафаров А.В. «Предисловие во книгу Синодик о пособии мертвым» – малоизвестный литературный памятник кон. XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4 (15-16). С. 307-318.
12. Милешина Н.А. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVII-XIX столетиях // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 14-21.
13. Миров Л.В. (ред.) История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2007. С. 512-514.
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 2019. 391 с.
15. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2012. 480 с.

16. Перри М. Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя (Материалы международного научного семинара). Будапешт, 2009. 200 с.
17. Петрушко В.И. История Русской Церкви. Первый патриарший период (конец XVI-XVII в.). М., 2020. 460 с.
18. Печерская Н. «Правда» как «истина» и «справедливость». К истории понятий. Справедливость: между правдой и истиной. История формирования концепта в русской культуре // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2011. Вып. 22. С.15-48.
19. Рождественский С.В. О земском соборе 1642 года. СПб., 1905. 10 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm>
21. Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным Архивная копия от 5 января 2019 на WaybackMachine // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л.: Наука, 1968. 174 с.
22. Тихомиров М.Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 170-189.
23. Туфанова О.А. Загадка псковской летописной повести «О бедах и скорбех...»: Предисловие и текст // Вестник Славянских культур. 2018. № 47. С. 159-168.
24. Черная Л.А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 56-83.
25. Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена первых Романовых // Россия и современный мир. 2021. № 4 (113). С. 6-28.
26. Чуприкова Н.И. Функциональная система психики: Филогенетические истоки и сознание человека // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/990>
27. Чуприкова Н.М. Дифференциально-интеграционная теория развития. М.: Языки славянских культур, 2011. 496 с.

Popular uprisings in the Moscow state of the 17th century as a manifestation of mass consciousness: social-philosophical analysis

Anastasiya V. Nikol'skaya

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Psychology,
Kosygin Russian State University,
115035, 1, 33, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tonokazutoya@gmail.com

Elena V. Cherepanova

Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Elcher17@mail.ru

Abstract

The article describes numerous popular riots that took place in Russia in the 17th century. Riots are seen as a behavioral manifestation of mass consciousness. The factors that influenced mass sentiment, such as ideology, the political and economic situation, the Orthodox religion, and interaction between the authorities and the people are described. Based on available historical sources, an attempt of reconstruction of the emotional, cognitive, value-need domains of mass consciousness was made. The entire 17th century remained in the public consciousness as a century of contradictions. Doubts arose about the legitimacy of the Moscow Tsar; tsars changed, violating

the fundamental ideological principle of the state, the sacredness of the monarch. But as soon as the dynasty of legitimate kings was restored, resistance to the church government and a schism arose. The consequences of the schism were not limited to the emergence of the schismatic movement. The population began to think about whose side was right, which led not only to lack of thinking, but also to a certain coldness towards the church as a social institution. The result of the split and the elites' understanding of the economic lag behind the West was the need for borrowing and education in a country where xenophobia, distrust and contempt for people of other faiths were one of the components of the mass consciousness. Numerous riots against the arbitrariness of the authorities had no ideological component in a country that had no idea of personal dignity, and were doomed to failure.

For citation

Nikol'skaya A.V., Cherepanova E.V. (2023) Narodnye bunty v Moskovskom gosudarstve XVII veka kak proyavlenie massovogo soznaniya: socialno-filosofski analiz [Popular uprisings in the Moscow state of the 17th century as a manifestation of mass consciousness: social-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 150-160. DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Keywords

Mass consciousness, legal consciousness, patriotic consciousness, religious consciousness, mass ideas, social processes.

References

1. Belinskii V.G. (1959) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1.
2. Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Academia-Tsentri; Medium Publ.
3. Bessonov I.A. (2014) *Russkaya narodnaya eskhatologiya: istoriya i sovremennost'* [Russian folk eschatology: history and modernity]. Moscow: Gnozis Publ.
4. Chernaya L.A. (1991) «Chest'»: predstavleniya o chesti i beschestii v russkoi literature XI-XVII vv. [“Honor”: ideas about honor and dishonor in Russian literature of the 11th-17th centuries]. In: *Drevnerusskaya literatura. Izobrazhenie obshchestva* [Old Russian literature. Portrayal of society]. Moscow.
5. Chernikova T.V. (2021) «Gosudarevo slovo i delo» vo vremena pervykh Romanovykh [“The sovereign's word and deed” during the time of the first Romanovs]. *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and the modern world], 4 (113), pp. 6-28.
6. Chuprikova N.I. (2009) Funktsional'naya sistema psikhiki: Filogeneticheskie istoki i soznanie cheloveka [Functional system of the psyche: Phylogenetic origins and human consciousness]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2, 4. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/990>
7. Chuprikova N.M. (2011) *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya* [Differentiation-integration theory of development]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.
8. Dolmatov A.A. (2021) «Pobito de ikh na pristupakh pod Sinbirskom tysyachi tri...» Sinbirskii krem' protiv voiska atamana Razina [“Three thousand of them were beaten in attacks near Sinbirsk...” Sinbirsk Kremlin against the troops of Ataman Razin]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 11, pp. 94-101.
9. Isaev B.A. (2019) *Sotsiologiya v skhemakh i kommentariyakh* [Sociology in schemes and comments]. Moscow: Yurait Publ.
10. Kollman N. (2023) *Rossiya i ee imperiya: 1450-1801* [The Russian Empire 1450-1801]. Moscow: Academic Studies Press Publ.
11. Kotoshikhin G. (2000) O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich]. In: *Moskoviya i Evropa* [Muscovy and Europe]. Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ.
12. Lyapin D.A. (2014) Narodnye volneniya v Rossii v 1648-1650 gg.: Aktual'nye voprosy issledovaniya [Popular unrest in Russia in 1648-1650: Current research issues]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies], 3, pp. 54-58.

13. Mashtafarov A.V. (2009) «Predislovie vo knigu Sinodik o posobii mertvym» – maloizvestnyi literaturnyi pamyatnik kon. XVII v. [“Preface to the book of the Synodic on benefits for the dead”, a little-known literary monument of the late XVII century]. *Vestnik tserkovnoi istorii* [Bulletin of Church History], 3-4 (15-16), pp. 307-318.
14. Mileschina N.A. (2010) Transformatsiya patrioticheskogo soznaniya rossiiskogo dvoryanstva v XVII-XIX stoletiyakh [Transformation of the patriotic consciousness of the Russian nobility in the 17th-19th centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 12, 2, pp. 14-21.
15. Milov L.V. (ed.) (2007) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka* [History of Russia from ancient times to the end of the 17th century]. Moscow.
16. Olearius A. (2019) *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the journey to Muscovy]. Moscow.
17. Pipes R. (2012) *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow.
18. Pecherskaya N. (2011) «Pravda» kak «istina» i «spravedlivost'». K istorii ponyatii. Spravedlivost': mezhdru pravdoi i istinnoi. Istoriya formirovaniya kontsepta v russkoi kul'ture [“Truth” as “objective truth” and “justice”. On the history of concepts. Justice: between truth and objective truth. History of the formation of the concept in Russian culture]. In: *«Pravda»: diskursy spravedlivosti v russkoi intellektual'noi istorii* [“Truth”: discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S Publ. Is. 22.
19. Perry M. (2009) *Samozvantsy XVII v. i vopros o legitimnosti pravyashchego tsarya (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar)* [Impostors of the 17th century. and the question of the legitimacy of the ruling king (Materials of the international scientific seminar)]. Budapest.
20. Petrushko V.I. (2020) *Istoriya Russkoi Tserkvi. Pervyi patriarshii period (konets XVI-XVII v.)* [History of the Russian Church. The first patriarchal period (late XVI-XVII centuries)]. Moscow.
21. Rozhdestvenskii S.V. (1905) *O zemskom sobore 1642 goda* [About the Zemsky Sobor of 1642]. St. Petersburg.
22. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from ancient times]. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm>
23. (1968) Soobshchenie kasatel'no podrobnosti myatezha, nedavno proizvedennogo v Moskovii Sten'koi Razinym Arkhivnaya kopiya ot 5 yanvarya 2019 na WaybackMachine [Message regarding the details of the rebellion recently carried out in Muscovy by Stenka Razin Archival copy dated January 5, 2019 on WaybackMachine]. In: *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina. T. 1* [Notes of foreigners about the uprising of Stepan Razin. Vol. 1]. Leningrad: Nauka Publ.
24. Tikhomirov M.N. (1969) Sobornoe ulozhenie i gorodskie vosstaniya serediny XVII v. [The cathedral code and urban uprisings of the mid-17th century]. In: *Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v.* [Class struggle in Russia in the 17th century]. Moscow: Nauka Publ.
25. Tufanova O.A. (2018) Zagadka pskovskoi letopisnoi povesti «O bedakh i skorbekh...»: Predislovie i tekst [The mystery of the Pskov chronicle story “About troubles and sorrows...”: Preface and text]. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 47, pp. 159-168.
26. Vizavitin O.I. (2016) Raskol russkoi pravoslavnoi tserkvi v XVII veke [The split of the Russian Orthodox Church in the 17th century]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 6 (110), pp. 634-636.
27. Zabelin I.E. (2014) *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh*. Arkhivnaya kopiya ot 31 marta 2020 na Wayback Machine [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries. Archived March 31, 2020 on the Wayback Machine]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ.